

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ДАР, КОТОРЫЙ ПЕРЕДАЕТСЯ ОТ МАТЕРИ
К ДОЧЕРИ

Веками женщины рода Оршьер скрывали свой дар. Ведь они были ведьмами, могущественными и прекрасными. Больше сотни лет назад Урсула Оршьер пожертвовала собой, чтобы спасти род и сберечь дар. И магия, что жила в крови потомков Урсулы, возродилась вновь в ее внучке Нанетт. Волшебство следует хранить в тайне, но соблазн использовать магию слишком велик, и в унылой жизни Урсулы, дочери Нанетт, появляется тот, перед кем так хочется распахнуть сердце... Непокорный нрав ведьмы не удержать, и ее дочь Ирэн готова преступить все запреты. Но стоит ли любовь того, чтобы нарушить обеты и клятвы?

Масштабно. Попадает в самое сердце. Трогательная история об отношениях матерей и дочерей сквозь время.
Booklist

Роман, в котором каждый найдет то, что ему по душе, — от исторических перипетий до трогательной романтической линии.

Kirkus

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4506-8

9 786171 245068

Луиза Морган ВЕДЬМЫ • запретная магия

Луиза Морган

ВЕДЬМЫ

запретная магия

ВЕДЬМЫ

ЗАПРЕТНАЯ МАГИЯ

Louisa Morgan

A SECRET HISTORY
OF WITCHES

A NOVEL

www.redhookbooks.com

Луиза Морган

ВЕДЬМЫ
ЗАПРЕТНАЯ МАГИЯ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
М79

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Morgan L. A Secret History of Witches : A Novel /
Louisa Morgan. — New York : Redhook, 2017. — 496 p.

Перевод с английского *Анны Спиридоновой*

Дизайн обложки агентства «Тим+»

ISBN 978-617-12-4506-8
ISBN 978-0-316-50855-1 (англ.)

© Louise Marley, 2017
© Hachette Book Group, Inc.,
2017
© Нemiро Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод и
художественное оформле-
ние, 2018

*Светлой памяти моей матери,
Джун Маргарет Бишоп Кэмпбелл.
Да не прервется твой род*

1821 год

Слоистые облака холодного угольно-серого оттенка плыли по небу то в одну, то в другую сторону, отражая плещущиеся внизу волны. Они заволакивали звезды и луну и затемняли морской берег — так же, как и прилегающую к нему узкую дорогу. За ней, в поле, где возвышались каменные столбы, вокруг небольшого костра стояло несколько фургонов. Язычки пламени плясали на встревоженных лицах собравшихся у огня людей и отражались в глазах норовистых лошадей. Единственными звуками, не считая потрескивания горячей древесины, были плеск и шипение невидимого моря. Пламя отбрасывало неверный свет на менгиры, казалось, заставляя камни менять свое многовековое положение, покачиваться и дрожать, словно ночные призраки.

Маленькая Нанетт захныкала и спрятала лицо в складках грубых юбок своей сестры Луизетт. Старшие представители семейства Оршьер нервно озирались и переглядывались.

На месте двух камней, завалившихся на бок еще в какую-то давно забытую эпоху, образовалась небольшая ямка для огня, на котором, шипя и обдавая брызгами угли, была поджарена пара кроликов. Теперь их уже и след простыл: мясо было съедено, а косточки закопаны в золу. Одна из женщин подбросила дров в огонь и посторонилась, уступая место своей бабушке.

Бабушка, или, как ее называли, *Grand-mère*¹, Урсула обошла по кругу яму для костра, неся в руках кувшин с соленой

¹ Бабушка (фр.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

водой, которой она окропляла землю и при этом что-то чуть слышно бормотала. Закончив, она несколько раз потрясла своей дубовой клюкой над головой и прошептала скороговоркой целый поток каких-то слов. Весь клан в напряженном молчании наблюдал за тем, как, отложив клюку, она полезла в холщовую сумку в поисках магического кристалла. Взяв камень обеими руками, она занесла его внутрь освященного круга, а затем подняла перед собой так, чтобы в нем отражался свет пламени.

Это был обломок кристалла, откопанного на речном берегу еще прапрабабушкой бабушки Урсулы. Его край был стерт и отшлифован настолько, что почти приобрел круглую форму. Он представлял собой неограниченный кварц, такой же шероховатый, каким его когда-то вытащили из грязи.

В магическом кристалле появилось алое свечение, он вспыхнул, как будто зажегся изнутри, слегка напоминая адское пламя, которого так боялись христиане. Его свет отразился на морщинистом лице бабушки Урсулы и замерцал в ее черных глазах. Подняв голову, Нанетт украдкой выглянула из-за сестринских юбок и снова спрятала глаза, уверенная, что горящий камень обожжет бабушке руки.

Урсула что-то напевала себе под нос, поворачивая кристалл и всматриваясь в его глубину. От звуков ее потустороннего голоса присутствующие чувствовали, как по затылку ползают мурашки. Она была величайшей из ведьм, унаследовавшей всю полноту силы рода Оршьер, и даже сердца тех, кто был к ней особенно близок, преисполнились благоговения от созерцания того, как она ее использовала.

Мужчины обеспокоенно затоптались на месте, всматриваясь в дорогу, ведущую от города Карнак. Женщины зацокали языками и притянули к себе детей — подальше от тьмы вокруг.

Каждый член клана в этот день испытывал страх. Слух об еще одном сожжении донесся до ушей мужчин, когда они отправились в Карнак за бобами и чечевицей. Нанетт слышала их рассказ, хотя, лишь повзрослев, смогла полностью понять его.

Это произошло в городе Ван, расположенном неподалеку. Поговаривали, что некий молодой и амбициозный священник по имени Бернар выследил ведьму. Он взял на себя обязанность по выявлению соответствующих признаков, а затем на городской площади публично обвинил ее в колдовстве. Архиепископ, хорошо известный сожжениями ведьм, собственноручно поджег костер факелом.

Новости об этом процессе подняли большой шум в Карнаке. Горожане встретили отца Бернара — человека с жидкими рыжими волосами и слишком маленькими для его лица глазами — аплодисментами, стоило тому появиться на рыночной площади. Нанетт захотелось закрыть уши, когда Клод, в спешке вернувшись из города, рассказал о случившемся, но Луизетт отвела ее руки в стороны.

— Ты должна услышать, — сказала она тогда. — Ты должна знать.

— Поговаривают, он так ненавидит ведьм из-за своей матери, — заметил Клод.

— Почему? — спросила Луизетт.

— У нее была опухоль в груди, она умерла в мучениях. Бернар обвинил старуху-соседку — та едва могла слышать и видеть — в том, что она наслала на его мать проклятие.

— Ее даже некому было защитить, — мрачно заметила Луизетт.

— Некому, — согласился Клод. — Провели судебное разбирательство, и уже через час был вынесен приговор.

— Бедняжку сожгли? — приглушенным голосом спросила Анн-Мари.

У Клода вырвался горький смешок.

— Собирались. По приказу Бернара был подготовлен костер, соорудили столб для сожжения. Но старуха умерла в камере ночью перед казнью.

— Наверное, она и ведьмой никакой не была. — Луизетт прижала к себе Нанетт, рассеянно поглаживая ее по плечу. — Но он чувствует себя одураченным.

— С тех пор он и затеял охоту на ведьм.

Над сомкнувшимися в кольцо фургонами нависло мрачное молчание. Дневной свет давно погас. В наполненных солоноватым запахом сумерках стало трудно различать выбоины и ямы на дороге — отправляться в путь до рассвета было небезопасно. Хотя был риск и в том, чтобы остаться на месте: среди них было лишь трое мужчин, пятеро женщин, кучка детей и старуха. Едва ли они смогли бы противостоять свирепой толпе.

Цыгане всегда находились под прицелом и потому действовали осторожно. Когда людей на этой земле возбуждала жажда крови, когда ими овладевало желание почуять запах горячей плоти и услышать предсмертные крики осужденных на смерть ведьм, закон и доводы рассудка были бессильны.

— Нужно уходить, — произнес Поль, супруг Анн-Мари. — И двигаться на юг.

— Слишком темно, — проворчал Клод.

Луизетт согласно кивнула:

— Опасно для лошадей.

Все понимали, что, кроме как на бабушку, надеяться было не на что.

* * *

Пожилая женщина покачивалась в свете огня. Ее голову окутывало облако седых волос, а морщинистые веки превращались в щелочки, когда она вглядывалась в глубину магического кристалла. Она сама была похожа на менгир: угловатая, неподвластная времени, невозмутимая. Ее тонкие губы шептали слова заклинания, а голос становился то громче, то тише. Сбившиеся в кучку члены клана дрожали от страха.

Спустя какое-то время протяжное пение бабушки постепенно затихло. Она перестала раскачиваться и трясущимися руками опустила кристалл. Когда она заговорила, ее голос зазвучал, как скрипичная струна, вот-вот готовая лопнуть:

— Там есть дом.

— Дом?

Нанетт подняла голову, чтобы увидеть, кто задал вопрос. Это оказалась Изабель, самая пугливая из шестерых сестер. Луизетт вытянула руку, чтобы заставить ее замолчать.

— Где он, бабушка?

— За морем, — ответила Урсула. — На утесе. Длинный низкий дом с соломенной крышей и сломанными ставнями. Вокруг него забор, который нуждается в починке. За домом холм и болото.

Ее закрытые веки затрепетали. Открыв глаза, она обвела взглядом собравшихся у огня.

— Вы должны отправиться туда. Все до единого. — Ее голос прозвучал тоньше обычного.

— Но, бабушка, — возразила Флоранс, — как же мы найдем его?

— Там остров, а на нем замок. Похож на Мон-Сен-Мишель, но это не он. Остров останется позади. Вы должны уплыть туда на лодке.

Все члены клана согласно вздохнули. Каждый, даже четырехлетняя Нанетт, знал, что, когда Урсула занималась прорицанием, спорить бесполезно.

Бабушка откинулась назад, опершись на пятки, а затем опустилась на колени и уронила голову на грудь. Нанетт встревоженно шевельнулась, но стоявшая рядом старшая сестра заставила ее успокоиться. Они застыли в ожидании в промозглой тьме, прислушиваясь к ропоту океана и доносящемуся время от времени стуку подков спотыкающейся о камни лошади.

Около полуночи тучи над берегом рассеялись, позволив узкому лучу лунного света упасть на кольцо из фургонов. Он замерцал на узорчатом полотне, подвешенных горшках и другой утвари и отразился на серых лицах членов клана. Бабушка резко выпрямилась, с шумом втянув воздух, и пристально взглянула на разрыв в облачном покрове.

— Погасите огонь! — скомандовала она.

Кто-то из мужчин поспешил выполнить приказ и залил костер из заранее припасенного для этого ведра с морской

водой. Чей-то детский голосок спросил, зачем это сделали, и бабушка ответила:

— Помолчи, Луи. И все остальные тоже. Тишина!

Она схватила холщовую сумку и накрыла ею магический кристалл. Затем с усилием встала на ноги и наклонилась, чтобы подобрать клюку. Ухватившись за нее обеими руками, бабушка ткнула в образовавшуюся в облаках прореху и что-то неразборчиво пробормотала; Нанетт смогла слышать одну-единственную отчетливую фразу:

— Спрячь нас.

Все — и дети, и взрослые — пристально глядели на небо. Повеление бабушки долго оставалось без ответа, но наконец тучи начали лениво сдвигаться. Слои за слоями они покрывали небо, пряча за собой просвет, как будто это была рана, на которую нужно наложить повязку. Никто не шевелился и не проронил ни слова, пока узорчатые полотна в фургонах становились все бледнее. От костра осталась лишь горстка пепла, от которой шел едва заметный в темноте дымок.

По мере того как глаза привыкали к отсутствию света, слух обострялся. Море успокоилось: потоки волн убывали от берега. Ветер улегся. Казалось, даже лошади перестали дышать. Постепенно, напряженно вслушиваясь, Оршьеры смогли различить приглушенный топот ног по утрамбованной грязию тропинке и приближающиеся голоса.

— Бабушка, — пролепетала одна из сестер. Нанетт показало, что это была Анн-Мари, но иногда она их путала. Она была намного младше остальных сестер и единственной, которая не знала матери: та умерла при родах Нанетт. — Может, нам стоит...

— Тихо!

Бабушка Урсула выглядела тщедушной и сгорбленной, как кукла из кожи и дерева, но все знали, какой свирепостью она обладала. Она крепко сжимала клюку скрюченными пальцами и что-то бормотала себе под нос так тихо, что слова были слышны только тем, кто стоял совсем близко. Слова последнего заклинания.

Богиня-Мать, мольбу прими,
От злых глаз нас защити
И весь род мой сохрани.

Луизетт зажала Нанетт рот рукой, чтобы та не закричала: лагерь накрывала мрачная тень — гуще, чем самая непроглядная тьма естественного происхождения. Звук приближающихся шагов все нарастал. Кто-то бранился, спотыкаясь на ходу, другие монотонно повторяли слова молитвы, пару раз раздавался чей-то смех. Когда отряд добрался до поворота, огибающего поле с менгирами, Оршьеры похолодели от ужаса. Старшие дети, сбившись в кучку, склонились до самой земли. Мужчины приготовились к бою.

Горожане беспорядочной толпой брели дальше по тропинке. Вот они поравнялись с разбитым лагерем; слева раскинулась темная морская гладь, справа возвышались валуны. Отряд продолжил путь, не замедляя шага и не понижая голоса. Безумная, изголодавшаяся в поисках жертвы толпа устремилась дальше, не подозревая о стоящих посреди менгиров фургонах и о людях, склонившихся над остывшей ямой для костра. Понадобилось целых пять минут, чтобы жители Карнака оказались вне пределов слышимости членов клана. И лишь убедившись, что они действительно ушли, Оршьеры смогли свободно вздохнуть. Осторожно, не произнося ни слова, лишь обмениваясь знаками, они вернулись к фургонам, чтобы отдохнуть, пока еще была такая возможность. Мужчины перешептывались, договариваясь о карауле. Женщины уложили детей в кроватки и, измотанные, улеглись сами.

Только бабушка Урсула оставалась там же, не выпуская клюку из рук и устремив взгляд в небеса. Она стояла на страже, пока луна не скрылась за облаками, и не сдвинулась с места, пока над рядами каменных столбов лениво разливался рассвет.

Никто не услышал ее последний вздох, когда она рухнула наземь. Один из мужчин, чья очередь была нести караул, сосредоточенно наблюдал за тропой. Женщины, ее внучки,

спали рядом со своими детьми и узнали о том, что бабушки с ними больше нет, только промозглым утром.

Тело Урсулы, дряблое и скрюченное, обнаружила Нанетт. Оно лежало у края ямы для костра, растрепанные волосы разметались по лицу. Малышка потрясла бабушку за плечо, но та не шевелилась. Протянув крохотную ручку, Нанетт отбросила в сторону гриву влажных от тумана седых волн. Веки Урсулы были сомкнуты, рот слегка приоткрыт. Нанетт осторожно коснулась ладошкой ее щеки. Она оказалась холодной, как застывший воск. Девочка втянула воздух, собираясь закричать, но появившаяся рядом Луизетт схватила ее за руку и сжала.

— *Chut, chut*¹, Нанетт. Нельзя шуметь.

— Но бабушка... — всхлипнула Нанетт. Ее тоненький голосок сразу же растворился посреди каменных валунов. — Мы должны разбудить ее!

Луизетт склонилась над неподвижной фигурой, а затем выпрямилась, глубоко вздохнув.

— Нет, *ma petite*². Мы не можем разбудить ее. Бабушки больше нет.

— Где же она?

— Не знаю, Нанетт. Никто не знает.

— Я хочу быть с ней!

— Нет-нет, *ma petite*. Нельзя. Ты должна пойти с нами.

Луизетт подала знак мужу, и тот встал рядом с ней, глядя сверху вниз на хрупкое тело Урсулы. Возле нее на влажной траве лежала клюка. В ее ладони был зажат магический кристалл, как будто она умерла, прижимая его к себе.

— Придется похоронить ее здесь, — прошептала Луизетт.

— Поторопись, — ответил ее муж. — Нужно уходить.

— *Oui. D'accord*³.

Нанетт смотрела, как из фургона Урсулы достали лоскутное одеяло и завернули в него тело. Бабушка не возму-

¹ Тихо, тихо (*фр.*).

² Моя малышка (*фр.*).

³ Да, хорошо (*фр.*).

щалась и не попыталась воспротивиться — даже когда ее лицо оказалось накрыто тканью. Двое других мужчин, взяв лопаты, начали копать яму между менгирами. Луизетт подзвала Флоранс, чтобы та отвела Нанетт к фургону собирать вещи. Когда в свете утренней зари они вернулись, ни Урсулы, ни ее одеяла уже не было. Лишь насыпь из сероватой грязи посреди пары камней говорила о том, что это место захоронения.

Нанетт повернулась к Луизетт, чтобы спросить, что произошло, но лицо старшей из сестер было настолько угрожающе мрачным, что вопрос замер на ее губах. Девочка схватила свой узелок, усиленно моргая, чтобы смахнуть слезы, вызванные чувством замешательства и утраты.

Лошадей отвязали и, шлепнув по крупу, пустили бегом. Фургоны были брошены на месте — яркое кольцо посреди поля с каменными столбами. Набив самыми ценными пожитками сумки и корзины, клан отправился в путь пешком. Теперь кристалл перешел в распоряжение Луизетт, гримур Урсулы тоже был уложен вместе с ее вещами. Позже Нанетт узнала, что клюка была похоронена вместе с бабушкой, потому что никто не владел силой, достаточной для того, чтобы ее использовать.

Семейство Оршьер оставило бабушку Урсулу, могущественную ведьму, покоиться в одиночестве. И лишь бессмертные менгиры стояли на страже ее жалкой могилы.

КНИГА НАНЕТТ

1

1834 год

Нанетт тряхнула поводьями и причмокнула, погоняя пони. Тот ненадолго перешел на рысь, но вскоре вернулся к привычному шагу. Крытая повозка, ранее груженная овощами и сырами, которые Нанетт продала на субботнем рынке, теперь дребезжала по каменистой дороге вдоль обрыва. Девушка нетерпеливо ерзала на сиденье, раздосадованная неторопливостью поездки, тем не менее не прикоснулась к хлысту. Она сама дрессировала этого пони и знала, что подстегивание только заставит его взбунтоваться. Чтобы как-то скоротать время, она стала перечислять вслух великие и малые сabbаты¹. Пони с интересом наострил уши, продолжая плестись. К тому времени, как перед ними показались соломенные крыши Орчард-фарм, солнце уже начало спускаться за вершину Сент-Майклс-Маунта. Пронизывающий корнуолльский ветер продувал плащ и домо-тканое платье Нанетт. Она замерзла, устала, испытывала беспокойство и едва нашла в себе силы кивнуть Клоду, когда тот вышел из хлева, чтобы взять поводья у нее из рук.

— Все в порядке? — спросил он, как всегда, по-французски.

— Там был священник, — с раздражением ответила она по-английски.

¹ Цикл праздников Колеса Года у последователей Викки и язычников.

Он вопросительно приподнял брови:

— *Prêtre?*¹

— Священник. Священник! Я же знаю, ты достаточно понимаешь по-английски! — С этими словами она спрыгнула с повозки и, тяжело ступая, обошла ее, чтобы вытащить пустые корзины и свернутые мешки.

— Семнадцать лет от роду, и никакого уважения к моим сорока.

Она вздохнула и перешла на французский:

— Да, там был священник. *Тот самый*. Бернар.

Клод ничего не ответил, но, уводя пони прочь, выглядел еще мрачнее, чем обычно.

Нанетт понеслась через сад к крыльцу. Сложив корзины у двери, она направилась в кухню. В доме было тепло, а аромат супа и свежее испеченного хлеба заставил ее желудок сжаться от голода, хотя она едва обратила на это внимание.

Анн-Мари, склонившись над каменной раковиной, чистила горшок. Подняв голову, она взглянула на Нанетт и спросила то же, что ранее Клод:

— Все хорошо?

— Нет. — Девушка упала в кресло с таким чувством, будто принесла на себе домой тяжесть всего мира.

— Что случилось?

В дверях кладовой показалась Луизетт с тарелкой масла в руках. Она была самой старшей и высокой в клане, даже среди мужчин. У нее и голос был мужской, и она частенько говорила, как мужчина. Она хмуро взглянула на Нанетт. Та подперла подбородок кулаком и одарила ее сердитым взглядом в ответ.

— Кроме того, что я единственная в семье, кто говорит на языке нашей страны?

— Пьер говорит по-английски, — как всегда мягко, заметила Анн-Мари.

— Но он уехал, не так ли? Так же, как Жорж и Луи. Все уехали при первом удобном случае и оставили все на меня.

¹ Священник (*фр.*).

Ей никто не ответил, и Нанетт тут же захотелось забрать свои слова обратно. Она прекрасно знала, как старшие сестры горевали по отъезду своих сыновей. Они все разлетелись в разные стороны: один в Шотландию, другой в Ирландию, третий — назад в Бретань, что оказалось роковым решением.

* * *

Флеретт принесла миску с похлебкой и поставила ее на стол перед Нанетт. Она была молчаливой — иногда Нанетт задавалась вопросом, не утратила ли она вовсе способность говорить, — и только снисходительно погладила младшую сестру по плечу. Нанетт слабо улыбулась в ответ.

— *Désolée*¹, — пробормотала она. Грубить было нехорошо, пусть она и чувствовала себя измученной. Сколько она себя помнила, сестры заменяли ей отца и мать. Она знала, что они испытывали страх, и на то была причина. Нанетт выросла на историях о временах сожжений.

— Нанетт, расскажи, что случилось, — попросила Луизетт.

— Охотник на ведьм был в Марасионе.

Сестры переглянулись, и от повисшего напряжения в комнате тут же стало темнее, как будто из дровяной печи вырвалось облако дыма.

Когда Оршьеры нашли ферму, о которой перед смертью говорила бабушка Урсула, все было в точности таким, как она описывала. Путешествие выдалось тяжелым, но лодку вынесло на скалистый пляж неподалеку от Сент-Майклс-Маунта, миниатюрного подобия острова Мон-Сен-Мишель. Там они нашли фермерский домик, приютившийся у подножия усыпанного галькой скалистого холма, позади которого простиралось болото. Он был в настолько плачевном состоянии, что жить в нем было невозможно, поэтому никто не возражал, когда они начали там хозяйничать. Понадобились месяцы, чтобы дом оказался пригодным для жилья, сад заплодоносил, а в хлеву стало безопасно для скота.

¹ Мне очень жаль (*фр.*).

Переход к оседлому образу жизни был своего рода жертвой. Оршьеры отдавали предпочтение дороге, пейзажам, которые менялись каждый сезон, укрывным местам, где можно было беспрепятственно практиковать древние обычаи. В Корнуолле старшие Оршьеры позволили младшим изучать английский — и немного корнуэльского, сколько того требовалось. Впервые за десять лет клан почувствовал себя в безопасности именно здесь, в Корнуолле.

Но вдруг три года назад объявился Бернар. Он пустил слух о том, что его прислали с целью основания католического прихода в Пензансе, но на самом деле священник продолжал заниматься охотой на ведьм. Для того чтобы это понять, клану даже не нужен был магический кристалл Урсулы, и это было подарком судьбы. Магия Урсулы была для них утеряна.

— Ты должна поесть, — сказала Луизетт сестре. — Потом расскажешь.

Она придвинула стул к другому краю стола и оперлась локтями на рубцеватое дерево.

Нанетт послушно проглотила ложку похлебки, а затем еще одну. Несмотря ни на что, она была голодна, а суп, приправленный свежим шалфеем и перцем, был хорош на вкус. Она знала, что Флеретт выловила оттуда самые крупные кусочки мяса, и снова улыбнулась сестре. Флоранс отрезала ломтик от буханки хлеба и придвинула тарелку с маслом поближе к себе. Пока Нанетт ела, в комнату заходили мужчины, и женщины прислуживали им. Никто не произнес ни слова, пока все не окончили трапезу.

— Наелась? — спросила Луизетт.

Нанетт откинулась на спинку стула:

— Да, спасибо.

— Ну что ж...

Нанетт стряхнула крошки хлеба с пальцев.

— Он говорил со мной.

— В самом деле? — откликнулась Анн-Мари. Она была второй и самой спокойной из сестер, но даже ее лицо омрачила тревога.

— Он наблюдал за мной весь день, даже когда я болтала со своей подругой Миган. А когда я запрягала лошадь, он подошел прямо ко мне на глазах у всех.

Всем жителям Марасиона было известно, что семейство Оршьер ни разу не присутствовало на англиканской службе в церкви Святого Илария. Любой бы обратил внимание на то, что Бернар, в своей запыленной черной рясе и шляпе с пологими краями, беседовал с кем-то из Орчард-фарм.

— Что он сказал тебе?

— Прочитировал Писание.

— «Ворожее не оставляй в живых», — бесцветным голосом изрекла Луизетт.

— Нет, другое, — Нанетт потерла обветрившееся лицо. — Он сказал что-то вроде: «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти».

— Мы не вызываем мертвых, — запротестовала Флоранс.

Никто не ответил. Отрицать было бессмысленно: охотника на ведьм не заботила правда. Когда Луи, единственное дитя Изабель, вернулся в Бретань, Бернар отыскал его и выбил признание о местонахождении клана. Изабель не знала, остался ли ее сын в живых.

— Он знает о нашей ферме, — продолжила Нанетт. — И еще добавил, что нам стоит быть поосторожнее на скалистой дороге, раз уж мы не пребываем под покровом Божьим.

— Это угроза, — произнесла Луизетт.

Остальные сидели молча, переваривая мрачные новости, которые рассказала Нанетт.

Девушка отхлебнула немного подслащенного медом козьего молока, принесенного Флеретт. Она могла бы рассказать и больше. О том, как пустые глаза охотника на ведьм заставили ее желудок сжаться, как его отдающее гнилью дыхание напомнило ей тех самых бесов, о которых он разглагольствовал. А еще она могла бы сказать, что с тем же успехом можно обратиться в веру и покончить с этим. Миган была бы счастлива, да и она завела бы себе новых друзей.

Но она чувствовала себя уставшей, и теперь, когда насытилась, ее еще стало клонить в сон. Говорить ей больше не хотелось, только лишь снять тяжелые сапоги и закрыть воспаленные глаза. Фитиль в масляной лампе был коротко подрезан, поэтому кухня наполнялась успокаивающим тусклым светом. Кто-то из мужчин закурил трубку, и сладко пахнущие яблоней кольца дыма поплыли к балкам. Низкий потолок фермерского дома, густо покрытый соломой, казался уютным, как старое лоскутное одеяло. Нанетт хотелось пойти в постель, утонуть лицом в подушке из гусиных перьев и забыть все, что связано с человеком, ненавидящим их настолько, чтобы преследовать через Ла-Манш. С человеком, который швырнул ей нить четок, заставляя поднять их и надеясь, что они обожгут ей пальцы.

Конечно, она могла не обратить на это внимание, но она поступила по-своему. Девушка подобрала четки и положила себе в карман — просто чтобы доказать, что она могла это сделать.

Она выпила молоко до дна, пробормотала слова благодарности Флеретт и встала из-за стола.

— *Bonne nuit*¹, — пожелала она всем присутствующим.

Клод поднял обветренную руку:

— *Attendez*². Женщины, послушайте! Больше никаких ритуалов.

Луизетт повернулась к мужу:

— *Pourquoi?*³

— Он шпионит за нами. Он и еще один священник, тот, что из церкви Святого Илария. Это небезопасно.

— Никто не видит, как мы поднимаемся на верхушку горы.

— Мимо может проезжать какой-то торговец. Могут наведаться соседи.

— *Pfft!*⁴ Соседи ни разу еще не наведывались.

Суровое выражение лица Клода не смягчилось:

¹ Спокойной ночи (*фр.*).

² Подождите (*фр.*).

³ Почему? (*фр.*)

⁴ Подумаешь! (выражение презрения) (*фр.*).

— Не спорь.

Луизетт встала из-за стола, поджав губы, и удалилась в гробовой тишине. Остальные — Анн-Мари, Изабель, незамужние сестры-близнецы Флоранс и Флеретт — сидели потупив взгляд.

Нанетт пожала плечами: она слишком устала, чтобы вмешиваться. Девушка поплелась в свою спальню в задней части дома, закрыла дверь, сняла сапоги и разделась, свалив одежду в кучу на полу. Четки все еще лежали в кармане юбки, в изнеможении она забыла о них. Уже почти засыпая, она натянула через голову ночную сорочку.

Сильная рука Луизетт вырвала Нанетт из самой середины кошмара. В нем она ехала в крытой повозке по дороге в скалах. Справа раскинулось море, внизу — каменистый берег, упасть на который означало верную смерть. Слева было лишь безжизненное болото. За ней гнался, настигая, охотник на ведьм. Нанетт не видела его, но знала, что он рядом. Она никак не могла заставить пони пуститься бегом. Руки, стиснувшие вожжи, ныли от боли. Она била его ногами, погоняя, но пони все равно еле волочился. Охотник на ведьм все приближался. Во сне Нанетт показалось, что его рука опустилась на ее плечо... Оцепенев от ужаса, она закричала и проснулась.

Луизетт зажала ей рот рукой.

— Тихо! — прошипела она. — А то они услышат.

Вздвогнув, Нанетт наконец пришла в себя. Сестра убрала руку, и Нанетт прошептала:

— Кто? Кто услышит?

— Клод. Поль. Жан.

— Что происходит?

Луизетт подобрала с пола платье Нанетт и сунула ей в руки.

— Мы идем в храм. Если Клод узнает, он не позволит.

Нанетт выпрямилась. За окном в ветреном небе мерцали звезды. Ранние заморозки, предвещающие Самайн¹, по-

¹ Праздник окончания уборки урожая, начала нового года и почитания мертвых в Викке.

крыли уголки окна инеем. Дрожа, Нанетт вылезла из сорочки и оделась. Луизетт нашла чулки и протянула сестре. В темноте ее глаза напоминали пару черных камней.

Нанетт поежилась и прошептала:

— Луизетт, к чему это?

— Попробуем заклятие отвлечения внимания.

— Но Клод...

— *Pfft!* Мужчины ничего не смыслят в нашем ремесле.

Держа сапоги в руках, Нанетт тихонько проследовала за сестрой по темному коридору и, миновав кухню, вышла на улицу. На крыльце уже ждали остальные, закутанные в платки и плащи так, что Нанетт едва могла их различить. Она сунула ноги в сапоги и схватила первый попавшийся плащ с вешалки. Кто-то — ей показалось, что это была Изабель, — сунул ей в руки шерстяной платок. Она обмотала его вокруг шеи, и сестры молча выскользнули через боковую калитку в сад.

Подъем на вершину горы, столь знакомый в дневном свете, ночью оказался опасным. Неверный свет звезд обманчиво искрился на камнях, которыми была выложена тропинка. Кусты ежевики вдоль дороги были почти невидимы, и, казалось, пытались сбить бредущих женщин с ног. Анн-Мари была во главе отряда, за ней шли близнецы. В середине с целой свечой и кувшином соленой воды в корзине шла Изабель. Нанетт, с трудом карабкаясь в гору, следовала за Луизетт. Уже через пару часов будут бляеть козы, требуя, чтобы их подоили. Девушке хотелось заявить, что она не видит смысла в происходящем или что с этим можно было подождать до Самайна, но она держала такие мысли при себе. Если уж Луизетт что-то взбрело в голову, спорить — только напрасно сотрясать воздух.

Именно Луизетт нашла пещеру на вершине горы, когда они обосновались в Орчард-фарм. Пространство внутри было гулким, с узким входом, хорошо спрятанным среди возвышающихся глыб шероховатого гранита. Сестры вымели перья, косточки и гальку, которыми был устлан пол, и приспособили трехфутовый сталагмит, который прорезался

из самого центра пещеры, в качестве алтаря. Выступы в скале служили им полками, на которых хранились запасы. Кристалл Урсулы, накрытый домотканым куском полотна, покоился на алтаре.

Годами сестры отмечали сabbаты в этой пещере, которую называли своим храмом. Они проводили ритуалы, которым научила их Урсула, в поиске лекарственных трав и рецептов зелий обращаясь за помощью к старинному гримуару. Они зажгли целую свечу, окропили место соленой водой и подожгли особые травы. На головах у них были церемониальные покрывала. Покачиваясь, женщины стали в круг вокруг магического кристалла.

Еще ни разу с тех пор, как ее посвятили в колдовство, Нанетт не замечала, чтобы кристалл хоть как-то отвечал ей. И сомневалась, что в этот раз что-то изменится.

2

Когда Нанетт была маленькой, она умоляла сестер позволить ей взобраться на вершину холма с ними. Каждый раз Луизетт отвечала: «Еще рано. Не сейчас», отказываясь давать какие-либо объяснения. Однажды Нанетт даже попробовала испросить разрешения у Клода, но тот лишь зарычал на нее, как собака на надоедливом котенка. Это был его единственный ответ.

В тот день Флеретт обрела дар речи, заявив: «Мужчинам не понять», и похлопала Нанетт по плечу, но объяснять тоже ничего не стала.

Время от времени Нанетт пристально разглядывала верхушку горы, раздумывая, осмелилась бы забраться туда по крутой тропинке, смогла бы в одиночку отыскать храм. Она полагала, что смогла бы, но была от рассвета до заката занята домашними хлопотами, или ходила на рынок, или служила переводчиком для семьи в беседах с кузнецом, старьевщиком либо людьми, которые приходили купить пони. Происходящее на вершине оставалось тайной, и ког-

Благодарности

За создание этой весьма непростой книги я в долгу перед множеством талантливых и щедрых людей. Независимый редактор Мишель Уайтхед обеспечивала критическую оценку, когда она требовалась; моя верная подруга Кэтрин Уайтхед давала советы по поводу французского языка; непревзойденная писательница Розмари Эджхилл подробно консультировала меня по вопросам современного язычества; мои великолепные подруги и замечательные коллеги Кей Кеньон и Шерон Шинн поддерживали, направляли и очень часто вдохновляли меня.

Нет предела моей благодарности Линдси Холл, редактору в *Redhook/Orbit*, за ее пронизательность, внимание к деталям и кропотливый редакторский труд. Питер Руби, мой агент в литературной дирекции *FinePrint*, заслуживает бесконечной благодарности за энергичную поддержку книги и меня, ее автора.

Дух матери пребывал со мной во время работы над этой книгой, и я глубоко признательна за ее влияние.

И весь процесс создания «Ведьм. Запретной магии» был волшебным.

Содержание

1821 год	7
Книга Нанетт	16
Книга Урсулы	75
Книга Ирэн	166
Книга Морвен	223
Книга Вероники	325

Літературно-художнє видання

МОРГАН Луїза
Відьми. Заборонена магія

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюник*
Відповідальний за випуск *Н. О. Міщенко*
Редактор *Н. С. Дорохіна*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 04.04.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Petersburg». Ум. друк. арк. 23,52. Наклад 3500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

МОРГАН Луиза
Ведьмы. Запретная магия

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюник*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Редактор *Н. С. Дорохина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 04.04.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 23,52. Тираж 3500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Століттями жінки роду Орш'єр приховували свій дар. Адже вони були відьмами, могутніми і прекрасними. Більше сотні років тому Урсула Орш'єр пожертвувала собою, щоб урятувати рід і зберегти дар. Магія, що жила в крові нащадків Урсули, відродилася знову в її внучці Нанетт. Разом із сестрами вона втікає з Франції до графства Корнуолл на заході Англії, де у неї народилася донька. Названа Урсулою на честь великої чарівниці роду, з часом вона переймає дар матері. Чари слід тримати в таємниці, але спокуса використовувати магію надто велика, і в сумному житті Урсули з'являється той, перед ким так хочеться відкрити серце... Непокірливий характер відьми не стримати, і її дочка Ірен готова переступити всі заборони. Але чи варта любов того, щоб порушити обітницю і клятви?

Морган Л.

М79 **Ведьмы. Запретная магия** : роман / Луиза Морган ; пер. с англ. А. Спиридоновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 448 с.

ISBN 978-617-12-4506-8

ISBN 978-0-316-50855-1 (англ.)

Веками женщины рода Орш'єр скрывали свой дар. Ведь они были ведьмами, могущественными и прекрасными. Больше сотни лет назад Урсула Орш'єр пожертвовала собой, чтобы спасти род и сберець дар. И магия, что жила в крови потомков Урсулы, возродилась вновь в ее внучке Нанетт. Вместе с сестрами она бежала из Франции в графство Корнуолл на западе Англии, где у нее родилась дочь. Названная Урсулой в честь великой волшебницы рода, со временем она перенимает дар матери. Волшебство следует хранить в тайне, но соблазн использовать магию слишком велик, и в унылой жизни Урсулы появляется тот, перед кем так хочется распахнуть сердце... Непокорный нрав ведьмы не удержать, и ее дочь Ирэн готова преступить все запреты. Но стоит ли любовь того, чтобы нарушить обеты и клятвы?

821.111(73)